

Объяснять стихи? Растворять (убивать) формулу, мнить у своего простого слова силу большую, чем у певчего – сильней которого силы нет, описывать – песню! Как в школе: «своими словами» лермонтовского Ангела, да чтоб именно своими, без ни одного лермонтовского – и что получалось, Господи! до чего ничего не получалось, кроме несомненности: иными словами нельзя. Что поэт хотел сказать этими стихами? Да именно то, что сказал).

Не объясняю, а славословлю, не доказую, а указую...

М. Цветаева

Трудно назвать поэта серебряного века, о котором бы М. Цветаева не оставила своих высказываний. Стихи-посвящения, статьи, воспоминания, письма адресованы Брюсову, Бальмонту, Белому, Блоку, Ахматовой, Волошину, Маяковскому, Есенину, Пастернаку...

Что это? «Соревнования короста» – как она сама выразилась? Только частично. Почтение к Поэту и Поэзии, понимание, что поэт нуждается в оценке, внимании, смотр состояния поэзии, разговор не только с поэтом, но с читателем. Цветаева расставляет верстовые столбы, указывает – где непременно надо остановиться, под каким углом рассмотреть явление. Её внимание к самому поэту безмерно: восхищение, благодарность, бросок на помощь, когда поэт в ней нуждается.

Вот в «Слове о Бальмонте»:

«Господа. Пройдут годы. Бальмонт есть литература, а литература – есть история. И пусть не останется на русской эмиграции несмываемого пятна, равнодушия, с которым она позволяет страдать больному великому поэту».

«Восхищаться стихами – и не помочь поэту! Пить воду и давать источнику засориться грязью, не вызволить его из земной тины, смотреть руки сложа и даже любуясь его „поэтичной“ зеленыю» – это из воспоминаний о Белом.

Он пишет ей, оказавшись в беде, растерянности:

«Голубушка! Родная! Только Вы! Только к Вам. Найдите комнату рядом, где бы Вы ни были – рядом (..). К Вам – под крыло!».

Цветаева подарила нам портреты поэтов, заразила собственным восхищением их творчеством, состраданием к сложности их судеб.

«Пленённый дух» – называется её очерк о Белом, и она одна из тех, кто присутствовал на его панихиде в Париже:

(...) На панихиде по Белому было всего семнадцать человек – считала по свечам – с десяток из пишущего мира, остальные завсегда. Никого из писателей, связанных с ним не только временем и ремеслом, но долгой личной дружбой, кроме Ходасевича, не было.

И никогда ещё, может быть, я за всю свою жизнь с таким рвением и осознанием не повторяла за священником, как в той тёмной от пустоты огромной церкви Сергиевского Подворья, над мерещащимся гробом за тридцать земель сожжённого:

– Успокой, Господи, душу новопреставленного раба твоего Бориса».

Заголовки цветаевских очерков, строчки из её стихов стали направляющими, концентрирующими внимание читателя – «Герой труда» – В. Брюсов, «Царскосельская муза», «Златоустая Анна всяя Руси» –

Ахматова, «Богородожденный мастер» – Н. Гумилёв, «Молодой Державин» – Манделштам, «Певец масс», «Первый поэт – оратор» – Маяковский.

«Обаяние Северянина так же неповторимо, как обаяние цыганских романсов. Это танго в поэзии».

«Всё дал тот, кто песню дал» – о Есенине.

Это она рассказала нам о тайном жаре Блока, о Пастернаке как о поэте природы, определила разницу между Пастернаком и Маяковским:

«Мне борьба мешала быть поэтом» – Пастернак, «Песня мне мешала быть бойцом» – Маяковский. (Строки из стихотворения Н.А. Некрасова «Зине» (1876), которые впоследствии были использованы М. Цветаевой в её статье «Эпос и лирика современной России» (1932) для описания разницы между талантами Маяковского и Пастернака – от редакции).

Волошин «стихи любил совершенно так, как я, то есть как если бы сам их никогда не писал, всей силой своей безнадежной любви к недоступной силе».

И, одновременно, всякий хороший стих слушал, как свой. Всякая хорошая строка была ему личным даром, как любящему природу – солнечный луч» – это признание можно принять за объяснение особенностей цветаевских высказываний.

Как личный дар рассматривает Цветаева стихотворение Гумилёва «Мужик»:

«Дорогой Гумилёв, есть тот свет или нет, услышите мою от лица всей Поэзии благодарность за двойной урок: поэтам – как писать стихи, историкам – как писать историю». И в то же время она характеризует его творчество в целом: «Не мэтр был Гумилёв, а мастер: богородожденный и в этих стихах уже безымянный мастер, скошенный в самое утро своего мастерства – ученичества, до которого в „Костре“ и окружающем костре России так чудесно – древесно! – дорос». Для многих литературоведов цветаевская характеристика стала основополагающей в рассмотрении творчества поэта.

В 1918 году Игорь Северянин был избран королём поэтов, в 1931 году он почти забытый, переживший свою славу, приезжает в Париж. После его отъезда Цветаева пишет ему письмо:

«От лица правды и поэзии приветствую, Вас, дорогой!

От всего сердца своего и от всего сердца вчерашнего зала – благодарю вас, дорогой.

Вы вышли. Поднимаете лицо – молодое. Опускаете – печать лет. Но – поэту не суждено опущенного! – разве что никем не видимый наклон к тетради! – всё: и негодование, и восторг, и слушанье дали – далее! вздымает, заносит голову. В моей памяти и в памяти вчерашнего зала – Вы остаётесь молодым...

Вы выросли. Вы стали простым. Вы стали поэтом больших линий и больших вещей. Вы открыли то, что отродясь Вам было приоткрыто – природу».

Можно только сожалеть, что Северянин не прочёл этого письма – Цветаева его не отправила.

Блоковский и ахматовский циклы достаточно проанализированы, хочу сделать лишь одно замечание. Цветаева словно подслушала Пушкинскую речь Блока, она как будто вернула поэту его слова об имени Пушкина:

«Наша память хранит с малолетства весёлое имя Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни», – сказал Блок.

Какое совпадение с первым стихотворением Цветаевой ее блоковского цикла... –

Имя твоё – птица в руке,

Имя твоё – лединка на языке,

– вот он звук весёлого имени, вот его поэтизация.

Послушаем Блока дальше: «Пушкин так легко и весело умел нести своё творческое бремя, несмотря на то, что роль поэта не лёгкая и не весёлая, она трагичная».

И это запомнит Цветаева.

Чуть подробнее остановлюсь на цикле стихов, посвящённых смерти Маяковского. Они многоаспектны. Здесь и констатация самого факта смерти как главного события дня.

... Сбит передовой

Боец. Каких, столица,

Ещё тебе вестей, какой

Ещё передовицы?

Здесь Маяковский – поэт революции. Сапоги, подкованные железом, – символ этого образа:

В сапогах, подкованных железом,

В сапогах, в которых гору брал –

Никаким обходом ни объездом

Не доставшийся бы перевал –

Тут и полемика с эмигрантами, не видящими в Маяковском поэта:

Владимир Маяковский? Да – с

Бас, говорят, и в кофте

Ходил

И шутиливо бравурная часть о любовной лодке, как причине самоубийства:

*Фуражечку б на бровишки
П – прощай, моя джаньм!
Правнуком своим проживши,
Кончил прадедом своим.*

Имя Лили Брик не названо, но можно предположить, что она имеется в виду, когда упоминается Елена:

*Молодец! Не прошибся!
А женщины ради – что ж!
П Елену паршивкой
– Подумавши – назовёшь.*

В последней части описана посмертная встреча Маяковского и Есенина. Весьма характерно начало аналога, где один говорит о России, второй – о СССР:

*А что на Рассее –
На матушке? – То есть
Где? – В Эссэре
Что нового?*

Автор стихов знает о разногласиях между поэтами относительно будущего страны. Не хотел Есенин «жить единым человечьим общежитьем» – без России, без Латвии, он предпочитал сохранить Россию.

Известен эпизод: когда Маяковский звал Есенина в АЕФ, тот соглашался с условием, что в его распоряжении будет отдел, который он назовёт «Россиянин», на что Маяковский возражал: «А почему не „Советянин?“».

А вот разговор о певчей стае несколько странен – Есенин ушёл в 1925 году и знает о смерти Блока и расстреле Гумилёва (1921). Сологуб умер в 1928, но своей смертью. Маяковский вопросам не удивляется, возможно, видит в них посмертную забывчивость Есенина. Ну а автор цикла скорее всего таким образом показывает состояние послереволюционной России, и главную причину ухода из жизни поэтов – жёсткое разочарование в революции – «не из-за водки», «не из-за юбки».

Многоаспектность цикла, его виртуозность, кажется, снижает боль потери, личное горе затупёвывается и вообще бы не чувствовалось, если бы не эта строчка:

Враг ты мой родной.

Не назову стихи безучастными, но анализ в них превосходит чувства. В этом они сопоставимы со стихотворением Пастернака «Смерть поэта». Нет, не анализом, – отсутствием глубокого переживания, что так не похоже на Цветаеву.

В 1926 году Цветаева задумала написать реквием, посвящённый Есенину. Её отношение к поэту было противоречивым – от восторженного до уничтожительного. Замысел осуществлён не был, но сохранившиеся фрагменты свидетельствуют о том, что мысль Цветаевой кружилась вокруг самоубийства, его обстоятельств:

*Брат по песенной беде,
Я завидую тебе.
Пусть хоть так она исполнится
– Помереть в отдельной комнате.*

Она пережила эту оглядку на самоубийство, и хотя строчки про крюк выглядят обобщённо – отстранённо, сё судьба включена в это обобщение:

*Жить (конечно не новой
Смерти!) жилам вопреки,
Для чего-нибудь и есть
Потолочные крюки.*

В стихах о Маяковском об этом уже можно было не говорить. Оба поэта были *рядом* с Цветаевой, когда она последовала их примеру, так она прочитывала их стихи и судьбы.